Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Путь туалетной рабыни

Прошу прощения у читателей за такое рваное повествование. Буквально прыжками с одного момента на другой, но, увы, иначе у меня писать не получается... Не всё уже помнится в точности, да и далеко не всегда бывает возможность получить в распоряжение ноутбук, чтобы что-то написать. А желание написать, порой, возникает очень острое. Во мне осталось уже очень мало человеческого (а скорее всего много никогда и не было) и этот крохотный осколок личности цепляется за то, чтобы не исчезнуть совсем. Вот эти разрозненные записки — один из способов оставить о себе хоть что-то.
Из предыдущих моих рассказов может сложиться впечатление, что я привыкла к своей роли в этой жизни очень легко и просто. В первый же раз смогла съесть целую тарелку отходов сразу от двух девочек. Отчасти это так. Но лишь отчасти. Оле пришлось как следует постараться, чтобы получить толк от меня, чтобы я стала тем, чем она хочет. Те 6 лет, что отделили сцену в пустом школьном кабинете и поездку на дачу получились для меня... насыщенными. Это не обычный рассказ, а скорее серия небольших записей, которые должны частично заполнить долгую лакуну между одним и событием и другим. Краткий экскурс в то, как Оля дрессировала, переделывала и использовала меня. Надеюсь, это Вас хотя бы немного развлечет :)
Сразу после того случая в кабинете, я сильно заболела, у меня было сильнейшее отравление. Всё то, что я тогда приняла от девочек, вытошнило из меня в тот же вечер, у меня поднялась и держалась несколько дней температура, ужасно болел живот, кружилась голова, лихорадило и вообще мне думалось, что я вот-вот умру. Мне было страшно стыдно и обидно за такую слабость с моей стороны, мне было стыдно, что моя недавно обретенная Хозяйка несколько дней не могла мной пользоваться из-за моего нездоровья. Однако, когда я поправилась (мне ещё влетело от школьного начальства, ведь больничный я брать не стала), оказалось, что девочки не особо сильно во мне и нуждались. Возможно, тогда они слегка растерялись и просто не знали, как можно использовать живую игрушку. Но Оля, конечно же, быстро сориентировалась. Она придумала множество разных способов, как можно позабавиться с безвольной учительницей. В итоге, к концу учебного года я побывала подстилкой для всех мальчиков её класса на их вписках, вела уроки с самыми различными предметами в моих дырках (самое сложное было вести открытый урок для аттестации на первую категорию с банкой колы в попе. Все проверяющие явно видели, что со мной что-то не так, настолько бросалась в глаза моя неспособность нормально стоять и ходить, но никто ничего так и не спросил.
А для коллег была придумана версия, что я сильно упала на спину, поскользнувшись. В апреле-то месяце, ну да. Меня, кстати, успешно аттестовали), Оля пробовала бить меня, начиная от пощечин и заканчивая пинками по разным частям тела, приказывала долго находиться одной неудобной позе, например, работая подставкой для ног, капала расправленным воском, порола, потом, когда я уже переехала к ней, стала использовать как домашнюю рабыню и служанку. Своё обещание сделать из меня живой туалет, который Оля дала в день моего переезда к ней, Оля быстро позабыла, тогда, видимо, ей это не было интересно, она лишь хотела припугнуть меня. Но, как я сказала, поначалу Оля и так использовала меня очень интенсивно и разнообразно, так что вскоре это обещание

позабылось.
Эти первая год-полтора мне думалось, что Оля испытывает меня, хочет проверить, на что я способна. Эта мысль только доказывает мою глупость, ведь Оле, моей чудесной, замечательной Хозяйке, было плевать, что я там могу или не могу, она все равно добилась бы от меня всего, чего бы только ни захотела. Она проверяла себя. Пробовала играть мной и прислушивалась к себе, что ей нравится, а что — нет. А я растворилась в потоке рабской жизни, меня словно бы не стало... Я просто делала всё, что мне говорили и получала от этого мало с чем сравнимое удовольствие. О, как же мне было здорово, когда Оля меня хвалила! И как тоскливо и горько было её разочаровывать. Я влюбилась в мою добрую Хозяюшку и люблю её до сих пор. Сразу после переезда к ней, Оля забрала все мои документы, а где-то через год принесла... свидетельство о моей смерти. И медицинское заключение, в котором говорилось, что я умерла от обширного инсульта. Как такие документы смогла состряпать первокурсница юрфака — даже не могу предположить. Да мне и не надо. В тот же вечер я, по распоряжению Оли, мелко разрезав ножницами, сожгла в металлической миске свои паспорт, свидетельство о рождении, пенсионку, ИНН, аттестат и диплом об образовании и остальные документы. И почувствовала после этого иррациональное чувство свободы, теперь ничто не могло отвлечь меня от моего служения моей Хозяйке. Оля наговорила на диктофон фразу: «Ты — моя вещь, ты принадлежишь мне. Ты не живое существо, ты — вещь. У тебя нет личности и своих желаний, ты — вещь» и ещё несколько подобных вариаций, а я несколько недель слушала эти фразы в наушниках, сутками напролет. Сначала они меня немного пугали, а позднее я не улавливала уже ничего, кроме сладкой музыки Олиного голоса.
Ещё через полгода служения Оле, моя Хозяйка решила, что слишком скучно выгляжу. Вскоре она сама (сама Хозяйка! Я чуть не свихнулась от радости!) обрила меня под ноль. Шикарная, густая грива черных, как смоль волос на тот момент, наверное, было единственным, что ещё напоминало мне о прошлой жизни. Я рассталась с этим напоминанием без сожалений.
Дальше Оле захотелось поэкспериментировать с пирсингом. Так как ко второму курсу Оля обзавелась ещё более широким кругом знакомств, проблем отвезти меня в больницу или к мастеру не было. Так что вскоре на половых губах у меня появилось по восемь крупных колец, которые Оля любила замыкать вместе специальным съемным креплением так, чтобы к моей дырочке было не подобраться. Потом такие же кольца появились в сосках, крупное, размером с мужские наручные часы, кольцо в носу (а с ним же появилось и прозвище «бурёнка»), пирсинг в языке и даже в бровях. Кольца, разумеется, имели практическое значения: к ним присоединялась цепь, на которую меня периодически сажали, то дома, то на Олиной даче, то ещё где-нибудь. И лишь к концу второго года моего служения, в Оле проснулся интерес к главному...
— Слушай, чмоша... (прозвища периодически менялись, но это было у Оли любимым, она всегда к нему возвращалась) — Оля задумчиво откинулась в кресле, пока я подпиливала ей ноготки на ножках. Это была обычная процедура, завершавшая вечер воскресенья раз или два в месяц. Дальше — наложить на ноготки базу, два слоя лака и закрепить... Получается красиво :)
— Я тут подумала, ты интересный, конечно, зверек, полезный и всё такое, но мне становится скучно с тобой. — Оля с видимым сожалением посмотрела на меня, распластавшуюся на полу у её ног. Моё лицо залил густой румянец. Это было стыдно, очень стыдно слышать такое.
— Простите меня пожалуйста, я стараюсь изо всех сил... — только и смогла выдавить из себя

неуклюжее, как и сама я, оправдание.
— Да знаю я, что стараешься, — Оля раздосадовано махнула рукой. — Офигенно ты стараешься, я даже не ожидала, что ты будешь настолько полезной.
— Я могу сделать что-то ещё, чтобы порадовать Вас? Чтобы Вам стало интереснее? — мой заискивающий голосок был, словно хрип олененка, которого душит удав. Я наслаждалась своей ничтожностью и одновременно стыдилась от того, что Оля была недовольна. Хотя и прекрасно понимала, что это почти наверняка игра с её стороны.
— Можешь, чмоша, можешь... — Оля без драматических, мхатовских пауз — не Оля...
— Стань моим туалетом, чмоша. — Оля внимательно посмотрела на меня. Хоть все мое внимание и было сфокусировано на том, чтобы не откусить кусачками ничего лишнего, кроме кутикулы, я ощущала этот взгляд теменем.
— Помнишь, тот, самый первый раз?
— Да, Оля, помню! — сердце сразу же учащенно забухало в груди, стоило Оле упомянуть ТОТ день, когда я стала её собственностью навсегда.
— Ну так
вот, я хочу того же, но не раз в два года, а постоянно. Фиг с ним, когда я в универе, или у предков, или ещё где, но дома ты мне должна заменять унитаз полностью, поняла меня, сука?
— Конечно, я поняла! — а сейчас мой голос почти звенел от энтузиазма и радости. Мне придумали применение, да какое! Оля наклонилась, ухватила меня за подбородок и посмотрела прямо в глаза, своим пронзительным, немигающим взглядом. Я замерла и обомлела...
— Поразительно. Уж сколько времени прошло, а ты нет-нет, да удивишь меня своей ебанутостью. — Оля отпустила мой подбородок и откинулась в кресле.
— Спасибо, Оля... — это было единственное, что пришло мне в голову. Меня ведь похвалили, значит надо поблагодарить, верно?
Но на деле всё оказалось иначе, намного сложнее, чем на словах... В тот же вечер, Оля, сходив по-большому, завела меня в туалет и без затей приказала съесть всё, что только что из неё вышло. Я с энтузиазмом подползла к унитазу, зачерпнула первую порцию мягкого, светлого кала и отправила рот, но тут же пожалела о своей самонадеянности — стоило горькому вкусу фекалий разлиться у меня во рту, как тут же моё горло скрутил сильнейший спазм. Следом, словно по щелчку, начала бешено выделяться слюна так, что у меня потекло по подбородку. Собрав в кулак всю свою волю и недоумевая от того, что со мной происходит, я кое-как смогла проглотить первую порцию. С не меньшим трудом пошла и вторая. За ней третья. И только я уже подумала, что вроде бы все налаживается, как меня бурно вырвало обратно в унитаз. Этот момент я помню до сих пор ясно и отчетливо, всё моё существование разом потеряло смысл. Я подвела Олю. Я оказалась слабачкой. В голове бешеной каруселью крутилась одна мысль: «Оля меня выгонит, теперь Оля меня точно выгонит, я всё испортила... « Я хотела что-то сказать, попробовать исправить свою оплошность, но вместо этого просто отключилась...
Я пришла в себе через несколько минут, лежа на полу, все там же, в туалете. Оля сидела неподалеку, тоже на полу, но уже в коридоре. Мне было безумно плохо и стыдно...
— Так, чмоша. С наскока не получилось, это я вижу. Видимо, в тот раз ты сильно превзошла свои обычные возможности. Хотя и болела ты долго, это я тоже помню. А мне нафиг не надо, чтобы ты каждый раз отключалась, да потом ещё валялась больная неделю. Значит что? — Оля вопросительно посмотрела на меня. Мне же в этот момент просто хотелось тихо умереть.

Я была уверена, что она скажет что-то в духе: «Значит забудь про туалетное служение». Но не такова моя Хозяйка, чтобы просто отказаться от задуманного!
— Значит, будем действовать по науке. Буду тебя дрессировать. Начну завтра.
Первым делом Оля посадила меня на цепь в туалете. Затем она соединили кольца на моих половых губах блокирующим стержнем и выкинула ключик от замочка в окно.
— Пока ты не научилась быть нормальным унитазом — забудь про возбуждение. Я тебе запрещаю. — Я мелко закивала головой. — Если научишься, закажу новый ключ, не научишься — так до конца своей жизни и будешь с замком на пизде.
— Далее, перед уходом из дома я буду всегда оставлять своё говно не смытым в унитазе. Оно — всё твоё. Обмазывайся, нюхай, пробуй брать в рот, что угодно делай, главное привыкай к виду, ощущению, запаху. И, самое главное, чтобы к моему возвращению всё было чисто и ничем нигде не воняло. — Я, не конца осознавая свое счастье, снова закивала.
— Сначала ты привыкаешь к говну, а потом уже подумаем, как решить проблему с отравлением. — Оля закончила инструктировать меня, проверила звенья цепочки, которыми я была прикована к трубе за кольцо на ошейнике и вышла из туалета. Не в силах сдержать восторга, я сжала кулачки и мелко запрыгала на месте. Высоко не получалось из-за цепи. Оля не только меня не прогнала, Оля будет меня дрессировать! Это ли не счастье?!
Тогда я провела на цепи в туалете больше 5 месяцев. Не считая кратких перерывов, когда к Оле приходили гости и она прятала меня в одной из комнат, или выводила меня в ванную мыться. Всё моё существование было в то время подчинено одной цели — я хотел стать живым туалетом. Полноценным живым туалетом. Как и сказала Оля, пока её не было дома, я набирала в руки её (или свой) кал, растирала, привыкала к его ощущению на коже, к запаху, к разным его формам и состояниям, лизала, пробовала жевать и глотать. С последним было сложнее всего. Я достаточно быстро научилась проглатывать фекалии и вскоре могла поглощать уже весьма солидные порции, но вот удержать в себе и переварить отходы... написано для sexytal.com В общем, меня тошнило. Другой проблемой стала обычная еда. Оле явно не хотелось, чтобы её унитаз вместе с ней лопал рыбку, помидорчики и огурчики в их первозданном, непереваренном виде. Решение этой проблемы было найдено остроумной и продвинутой Олей в интернете. Им стал сойлент, растворимый порошок, который полностью заменил для меня обычную еду. А вот с проблемой тошноты было сложнее... К исходу четвертого месяца сидения в туалете, я могла съесть почти половину того, что выдавала Оля за раз, но потом меня неизбежно начинало тошнить. Я уже начала было снова отчаиваться в своих силах, но не такова Оля. Она в очередной раз нашла выход! Как-то раз, она зашла ко мне в туалет и протянула пластиковый стаканчик...
— Проглоти их, — в стаканчике было 7 или 8 таблеток, разных размеров и цветов. Я, разумеется, никаких вопросов задавать не стала, опрокинула стаканчик себе в рот, а потом им же зачерпнула воды из унитаза, чтобы запить.
— Будешь пить их недели 2—3, а потом посмотрим на результат. — Оля вышла, оставив меня в легком недоумении и изрядно воодушевленной. Так прошло ещё три недели сидения на цепи. Я каждый день выпивала несколько таблеток и с надеждой и страхом ожидала, когда же Оля решит меня испытать. И, наконец-то этот день настал.
Как обычно, вечером Оля скормила мне порцию таблеток, добавив в этот раз к ним ещё парочку. После чего изящно присела над пластиковой тарелочкой в туалете и начала тужиться. Я, припав к полу, заворожено смотрела, как из ануса моей Хозяйки ползет мягкая,

светло-бурая колбаска фекалий и сворачивается в аккуратную кучку в центре тарелки. Мой рот сразу же наполнился слюной, но не так болезненно-обильно, как во время проваленного испытания, а так, как бывает у голодного человека, предвкушающего вкусную и скорую трапезу. Ну, за исключением того, что тогда человеком я себя уже давно не ощущала. Оля быстро закончила своей невообразимо величественный акт дефекации и пододвинула тарелку ко мне.
— Ну, начинай, говноешка. — Она ободряюще улыбнулась мне.
Уже привычным движением, я отделила от общей массы кусочек, размером с крупную черешенку и отправила в своей туалетный ротик. Острая, резкая горечь, которую я в жизни никогда не променяю ни на какую сладость, разлилась по моему рту. Я начала старательно жевать и вскоре уже проглотила скользкий комочек, протолкнув его через пищевод прямо в своей канализационный желудок. Следом за первом кусочком пошел второй, третий и четвертый, я отделяла их, жевела и проглатывала, один за одним и... чувствовала себя превосходно! Ни намека на тошноту! В конце я настолько вошла во вкус, что остатками Олиного кала набила себе рот так, что не смогла проглотить за раз и сглатывала небольшими порциями, жуя и перекатывая во рту отвратительно восхитительную жижу. Когда с фекалиями было покончено, я взялась за большой стакан с мочой, который, естественно, организовала мне тоже Оля и с огромным удовольствием запила соленым нектаром державшуюся во рту горечь.
— Спасибо, Оля, было очень вкусно! — я даже позволила себе улыбнуться.
— Ну как?
— Вроде бы всё хорошо...
— Ну что ж, посмотрим. Если хочешь, можешь ложиться спать. Завтра увидим, что и как. Рот только прополощи.
Я снова поблагодарила мою Хозяйку и принялась полоскать рот водой из туалета. Попутно я прислушивалась к своим ощущением. Живот ворчал и крутил, меня слегка мутило, но... Но сильной тошноты, как раньше, уже не было. Кажется, я нормально смогла принять Олины отходы начала их переваривать... Ночь, тем не менее, прошла неспокойно. Я вертелась и крутилась на туалетном коврике, скомкав выданный мне пледик. Я со страхом ожидала приступов тошноты, означающих, что Олин дар вот-вот попросится наружу. Но этого не произошло. Ни ночью, ни утром меня не стошнило. Ворчание в животе улеглось, а утром меня просто пропоносило. И всё. И всё! Я смогла, я приняла и переварила Олины отходы! Теперь надо было закрепить успех. Ритуал поедания Олиного кала и пития мочи повторился на следующий вечер. И затем на следующий. И потом ещё на один. Я ела, ела и ела, однажды Оля сходила непривычно твердым калом — я смогла прожевать и проглотить его без остатка, один раз получился полужидкий — его я тоже приняла в себя, как положено живому туалету. Я наконец-то выполнила волю Оли, я научилась принимать её отходы регулярно, без перерывов на болезни и тошноту! На 153-ий день моего сидения в туалете, Оля зашла в туалет и, ничего не говоря, сняла с меня мой старый тряпичный ошейник, и едва он спал с моей шеи, звеня прикрепленной цепью, Оля бросила на пол рядом со мной другой — из светло-бежевой кожи, достаточно широкий, почти в четыре пальца. На горле этого ошейника коричневой нитью с желтой окантовкой были крупно вышиты буквы: WC.
Я заплакала от счастья.